

Х.А. ГАДЖИЕВ*

**ЦИФРОВОЕ ПРОСТРАНСТВО
КАК ПОЛЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ
ВЛАСТИ И ОППОЗИЦИИ**

Аннотация. Цифровизация, стремительно меняющая облик общественной жизни, включая политическую сферу, серьезно преобразовывает условия конкуренции для двух главных сил внутриполитической арены – власти и оппозиции. Уровень развития цифровых технологий и степень их проникновения в современные общественные процессы столь высоки, что позволяют говорить о возникновении цифрового пространства, с учетом особенностей которого теперь выстраиваются коммуникация и конкуренция в этой паре. И перед оппозицией, и перед властью открылось немало новых возможностей по достижению своих целей и решению задач, но вместе с тем возникло немало проблем и уязвимых мест, с которыми они не могут не считаться. В этом смысле цифровое пространство несет в себе неоднозначную и местами даже противоречивую перспективу для них.

В статье предпринята попытка обозначить ключевые проблемы и дискуссии, связанные с осмыслением цифрового пространства как поля политического противостояния власти и оппозиции. С этой целью проанализированы центральные понятия исследуемой проблематики – «цифровизация» и «цифровое пространство»; рассмотрены наиболее важные условия противостояния власти и оппозиции в цифровом пространстве; очерчены контуры изменений во взаимодействиях общества и власти, связанных с цифровым пространством; дана оценка влиянию цифрового пространства на «традиционные» демократические институты.

Ключевые слова: цифровизация; цифровое пространство; киберпространство; Интернет; власть; оппозиция; цифровая демократия.

* **Гаджиев Ханлар Аляр оглы**, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры политологии и политического управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва, Россия), e-mail: gadzhiev_hanlar@mail.ru

Для цитирования: Гаджиев Х.А. Цифровое пространство как поле политического противостояния власти и оппозиции // Политическая наука. – 2020. – № 3. – С. 147–171. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.03.07>

Современное пространство политики стремительно меняется, прежде всего под влиянием развития информационно-коммуникационных технологий, или, говоря точнее, – процесса цифровизации. Как представляется, среди множества аспектов такой трансформации политической сферы наиболее важны три.

Во-первых, контроль над информационными потоками и в целом информационным пространством становится ключевым и даже, возможно, главным властным ресурсом [Курочкин, Антонов, 2017]. Именно те, кто владеет и управляет большими потоками информации, получают значительные преимущества в борьбе за доминирование на политическом пространстве. На это наслаивается масштабность, возникшая за счет развития цифровых технологий: объемы, виды контента, неограниченное количество реципиентов, высокая скорость распространения информации. В результате у политических акторов появилось намного больше простора для манипулирования общественным мнением путем пропагандистского воздействия на массовое сознание [Малашенко, Нисневич, Рябов, 2019, с. 93–94].

Во-вторых, в современном политико-административном процессе существенно вырос уровень внедрения цифровых технологий [Подорова-Аникина, 2016]. Причем это происходит не только в плоскости взаимодействия власти и общества, но также и в плоскости взаимодействия публичных органов власти между собой.

В-третьих, современные общества, активно пользующиеся цифровыми технологиями и Интернетом (по данным авторитетных статистических агентств, к апрелю 2020 г. численность интернет-пользователей по всему миру составляла более 4,57 млрд, из которых порядка 3,81 млрд – это одновременно также пользователи социальных сетей, а уникальных пользователей мобильных устройств насчитывалось более 5,16 млрд человек¹), стали более тре-

¹ Digital around the world in April 2020 // We Are Social Inc. – 2020. – April. – Mode of access: <https://wearesocial.com/blog/2020/04/digital-around-the-world-in-april-2020#> (accessed: 11.05.2020)

бовательными к власти, ее прозрачности и эффективности¹. В первую очередь это обусловлено тем, что в результате такой виртуализации жизни общества происходит интенсивный переход от использования «традиционных» средств массовой информации (прессы, радио и телевидения) к интернет-ресурсам, в которых информационная картина граждан формируется не только под влиянием официальных государственных источников информации, но также и альтернативных источников, на которых могут быть представлены полярные интерпретации социально-политической действительности.

И хотя пока рано говорить о доминировании так называемых «новых медиа» [Володенков, 2015], тем не менее их все большее влияние на формирование социально-политической картины в информационном поле и возникновение нового уровня конкуренции в последнем – весьма очевидные тенденции.

Как следствие, постоянно изменяются условия взаимодействия для ключевой политической пары – власти и оппозиции. Между тем анализ указанных условий крайне важен, поскольку в любом государстве противоборство этих двух сил – неотъемлемая часть внутривластного процесса [Исаков, Олейник, 2009].

Само понятие «цифровизация» в связи с безусловной актуальностью данного явления и связанных с ним процессов очень часто используется в современных научных работах. Вместе с тем редко можно встретить определение данной категории и даже попытки ее интерпретации. А те определения, которые имеются в литературе, в большинстве случаев серьезно отличаются и не отражают всю ее сущность. Не претендуя на всеохватность, приведем лишь наиболее частые дефиниции категории «цифровизация»: 1) процесс преобразования аналоговых ресурсов в двоичную электронную (цифровую) форму [Khan, Khan, Aftab, 2015, p. 139]; 2) изначальное создание нового продукта в цифровой форме; 3) процесс использования компьютерных средств и технологий [Лазар, 2018, с. 171]; 4) процесс внедрения цифровых технологий генерации, обработки, передачи, хранения и визуализации данных в различные сферы человеческой деятельности [Плотников, 2018, с. 17]; 5) массовое использование цифровых сервисов (технологий)

¹ Доклад об итогах внедрения системы «Открытое правительство» и перспективах до 2024 года // Экспертный совет при Правительстве РФ. – Режим доступа: <https://report.open.gov.ru/> (дата посещения: 11.05.2020)

гражданами, предприятиями и государственными органами¹; б) современный общемировой тренд развития экономики и общества, основанный на преобразовании информации в цифровую форму [Халин, Чернова, 2018, с. 47]; 7) подход к использованию цифровых ресурсов в трансформации различных сфер общественной жизни [Петрова, Бондарева, 2019, с. 353] и т.д.

Столь серьезные разночтения, вероятно, связаны с рядом объективных проблем, среди которых в первую очередь можно назвать: 1) многогранность процесса цифровизации; 2) стремительное усложнение цифровизации, в результате которого у него появляются новые составляющие (новые цифровые технологии) и свойства; 3) перманентный охват цифровизацией новых сфер общественной жизни и т.д.

На наш взгляд, в самом общем плане цифровизацию можно рассматривать в трех основных ипостасях, которые органично дополняют друг друга и всеобъемлюще отражают суть данного явления. Во-первых, ее можно понимать в крайне узком смысле – как глобальный переход от использования аналоговых технологий к цифровым. При таком подходе цифровизация предстает лишь как новый этап развития самих технологий и их качественное улучшение, с которым человечество уже неоднократно сталкивалось на протяжении своей истории. Во-вторых, цифровизацию можно понимать как масштабное внедрение в различные сферы человеческой деятельности и в целом общественную жизнь цифровых технологий (прежде всего компьютерных технологий и Интернета). В такой интерпретации цифровизация предстает уже в облике явления, ведущего к переходу на качественно новый уровень использования обществом высоких технологий в производстве, оказании услуг, информационном обмене и других процессах. И, в-третьих, в наиболее широком смысле цифровизация может трактоваться не просто как процесс внедрения цифровых технологий в различные сферы человеческой деятельности, но также и как повышение роли этих технологий в жизни общества; переход общества на качественно новый уровень их использования и самое

¹ Digitization for economic growth and job creation: regional and industry perspectives. World Economic Forum: The Global Information Technology Report 2013 / K. Sabbagh et. al. – 2013. – P. 35. – Mode of access: <https://pdfs.semanticscholar.org/67f3/a5f8cd578d53a606f8b136beb904ee3dc81c.pdf> (accessed: 11.05.2020)

главное – как изменение самой ценности этих технологий. Последнее предполагает переосмысление соотношения в тандеме «человек – машина» в сторону доминирования именно машины (робота), которая все чаще рассматривается как потенциально превосходящая человека в будущем по многим параметрам (что очень спорно) и обладающая искусственным интеллектом. В соответствии с таким подходом цифровизация есть глобальный процесс, существенно меняющий устоявшиеся черты социума.

Такое сильное влияние цифровизации на ключевые сферы общественной жизни (и в частности, политическую) позволяет ставить вопрос о том, что современное пространство политики – это уже не только реальное пространство, но также и новое – формируемое в результате процессов цифровизации.

Цифровое пространство

Исследуемое новое пространство часто также называют киберпространством, виртуальным пространством, онлайн-пространством, интернет-пространством и т.д. И здесь сразу скажем, что эти понятия не синонимичны понятию «цифровое пространство», как может показаться при изучении некоторых работ [Трофименко, Елисеева, Коробейникова, 2017; Добринская, 2018 и др.]. Так, наиболее основательно разработанная в науке категория «киберпространство», по сути, подразумевает всю совокупность информации и коммуникаций, составляющую Интернет [Ploug, 2009]. Аналогичный смысл, как правило, вкладывается и в понятия «интернет-пространство» [Aurigi, 2005], «онлайн-пространство» [Marshall, 2001]. Между тем известно, что сегодня существуют специальные программы для мобильных устройств, посредством которых люди коммуницируют между собой, обмениваются информацией, но при этом данные программы могут работать без Интернета и сотовой связи. Довольно яркими примерами являются Firechat, Bridgefy, Signal Offline Messenger, Briar и пр. (интересно, что эти и подобные программы начиная с 2014 г. активно использовались в протестных акциях в Гонконге, Венесуэле, Ираке и других странах, когда власти ограничивали использование Интернета).

В свою очередь, другое, более широкое понятие «виртуальное пространство» охватывает указанные программы, но тоже

полностью не включает все явления, связанные с цифровыми технологиями. Например, существуют технологии, создающие так называемую дополненную реальность (Augmented Reality или AR). Она формируется посредством синтеза явлений реального и виртуального пространств для создания объектов нового типа, среди которых такие, как «умные личные помощники» (Amazon Alexa, Google Assistant, Microsoft Cortana и др.), поддерживающие, помимо прочего, процесс оказания государственных услуг и работу с опубликованными государственными данными; цифровые интерактивные 3D-карты в сфере кибербезопасности, в которых связанные госданные представлены в виде зданий виртуального города, позволяющие сотрудникам соответствующих государственных служб предвидеть и предотвращать потенциальные угрозы; цифровые AR-офисы по предоставлению госуслуг [Косоруков, 2020]; технологии по воссозданию исторических событий; технологии распознавания лиц и т.д. С одной стороны, технологии дополненной реальности делают виртуальный мир более реалистичным, а с другой – исключают возможность полной замены действительности виртуальным пространством [Бауэр, Сильвестров, Барышников, 2017, с. 34]. В представление человека об окружающей среде добавляется компьютерная графика для передачи прошлой, настоящей или будущей информации о месте или объекте [Shekhar, Feiner, Aref, 2016, p. 76–77].

Таким образом, на наш взгляд, понятие «цифровое пространство» включает в себя больше явлений, связанных с современными технологиями, и поэтому оно наиболее широкое из всех упомянутых понятий. Но вместе с тем цифровое пространство охватывает все, что принято называть «киберпространством», «интернет-пространством», «онлайн-пространством» или «виртуальным пространством». Поэтому все, что справедливо по отношению к данным категориям, справедливо и применительно к категории «цифровое пространство». И более того, краеугольной составляющей цифрового пространства является именно Интернет. С этим, вероятно, и связано часто встречающееся в научной литературе отождествление всех этих понятий и терминологическая неточность.

В то же время существует другая, не менее сложная теоретическая или, скорее, философская проблема: в научном сообществе до сих пор не выработано компромиссного мнения по поводу соотношения пространства, созданного цифровыми технологиями,

и реального пространства. В самом общем виде можно заметить, что на этот счет есть две крайние позиции. Первая гласит, что цифровое пространство – самостоятельное, автономное явление, которое может существовать независимо от реального пространства. Согласно второй позиции, цифровое пространство – всего лишь информационная проекция реального пространства, искусственно созданная, поддерживаемая и развиваемая последним [Хуторной, 2011, с. 70].

Второй подход, думается, в большей степени соответствует действительности. Очевидно, что компьютеры, как и вся другая техника, не обладают внутренним миром, сознанием и не являются субъектами социальной деятельности. И сложно спорить также с тем, что мыслит не компьютер, а человек с помощью компьютера. Соответственно, цифровое пространство – это скорее вид перцептуального (порядка сосуществования предметов в восприятиях человека) или концептуального пространства (порядка сосуществования идеальных объектов), нежели реального. В него действительно входят не вещи объективной реальности и не люди, а идеи, которые отражают реальность и которые символически выражены в знаках, символах, текстах и т.д. [Волов, 2011, с. 49, 53–54]. В результате цифровое пространство предстает как система идей, ожиданий, практик и операций, которые являются продуктом не только технологий [Gunkel, 2000, p. 805]. Более того, можно даже утверждать, что технологии в большей степени лишь реализуют уже существующие у людей идеи, ожидания, практики и операции.

Анализируя понятие «киберпространство», Д.Е. Добринская предлагает его раскрывать через три аспекта: физический (совокупность всех компьютеров, смартфонов, средств виртуальной реальности и т.п.), информационный (совокупность бесчисленных информационных потоков) и социальный (все социальные взаимодействия, которые происходят в виртуальном пространстве) [Добринская, 2018, с. 63–64].

С нашей точки зрения, указанные составляющие можно отнести и к цифровому пространству, но для полного раскрытия данного феномена следует включить еще один важный аспект, который затрагивался выше, – сегмент цифрового пространства, состоящий из совокупности технологий дополненной реальности.

В целом, констатируя зависимость конкретно Интернета и в целом цифрового пространства от реального пространства и чело-

века, не стоит забывать, что цифровые технологии трансформировали не просто поведение человека, но и его восприятие реальности. Как верно отмечается в ряде работ, главный социально-политический вызов, с которым сталкивается человек в современной (цифровой) эпохе, – это переплетение виртуальности и реальности, иррациональности и рациональности в такой степени, что человеческое сознание зачастую не в состоянии их различить [Чугров, 2017, с. 54]. Как следствие, возникают серьезные проблемы в социализации людей, «воспроизводстве образцов» поведения, усвоении норм и ценностей, сплачивающих общественную систему [Шабров, 2019, с. 240]. Не менее значимо то, что в таких условиях человек не просто воспринимает мир, но также может преобразовывать и конструировать его, как бы приспосабливая к себе [Шарков, 2017, с. 137]. Все это приводит к тому, что очень сложно вывести не только репрезентативную интерпретацию цифрового пространства, но также и ее «экспликацию».

Власть versus оппозиция

Все указанные явления, процессы и тенденции кардинально меняют условия для политики и политиков, для власти и оппозиции. Цифровое пространство придает инновационность дискурсивным рамкам политики, формулированию и выражению новых идей и смыслов для общественного мнения и созданию нового противовеса гегемонии властвующей элиты. Именно в цифровом пространстве на сегодняшний день сложились реальные возможности противодействия (выдвижения альтернативной позиции) СМИ и официальному дискурсу [Тимофеева, 2019]. Здесь же уточним, что цифровые технологии оказывают наиболее сильное влияние, когда они объединяют онлайн- и реальную мобилизацию [Sampedro, Avidad, 2018, p. 35–36] (в частности, это хорошо прослеживается на примере событий «арабской весны»). Или, говоря иначе, использование Интернета и мобильной связи в современном обществе, конечно, имеет важное значение, но по-прежнему сохраняется значимость социальных взаимодействий и общественной реакции в реальном пространстве [Castells, 2012, p. 221].

В цифровом пространстве у граждан появилось множество альтернатив при выборе контента, что меняет индивидуальные

стимулы для получения политической информации и, соответственно, влияет на политическое участие. Более того, граждане систематически опровергают любую информацию, которая идет вразрез с их взглядами, независимо от того, подтверждена она неопровержимыми фактами или нет. Наконец, в новых условиях каждый получил право не только на собственное мнение, но и на свои собственные факты [Political communication in a high-choice media environment ..., 2017, p. 4, 18–19]. И в этом смысле Интернет – гораздо больше, чем просто еще один источник информации. Он представляет собой мощную и доступную платформу для политических дискуссий и политического участия, а также для координации действий политических единомышленников [Campante, Durante, Sobbrío, 2018]. И особую роль в этом процессе играют социальные сети.

Социальные сети все чаще используются в противостоянии власти и оппозиции в качестве инструментов информационно-психологического управляющего воздействия и информационного противоборства [Михайленок, 2019, с. 16]. Как известно, в политических дискурсах в социальных сетях наиболее активны прежде всего участники общественных движений, политики, партийные работники и те, кто преследует определенные политические цели [Loader, Mercea, 2011].

В то же время и социальные сети, и в целом цифровое пространство используется в политических целях не только потому, что с каждым днем все больше людей «включается» в это пространство, но и потому, что здесь для субъектов политики открывается много новых возможностей. Например, востребованными становятся компьютерные программы, созданные по принципу нейронных сетей, которые активно используются для мониторинга интернет-контента и продвижения в цифровом пространстве политических идей (так, программы-боты применяются провластными и оппозиционными акторами для политически окрашенных информационно-сетевых «вбросов»), смыслов и установок; для выстраивания электоральных прогнозов и т.д. [Михайленок, Малышева, 2019, с. 81–82].

Как отмечают Р.А. Фенра и А. Казеро-Рипольес, один из важнейших эффектов цифровой эпохи – новый уровень и масштаб политического мониторинга. Авторы предлагают рассматривать такой мониторинг не только как инструмент представителей вла-

сти и выделяют в нем три основные области: правительственный (государственный), гражданский и общий (проводимый в сотрудничестве государственных структур с гражданским обществом для развития процессов общественного контроля). Более того, в качестве самого значимого выдвигается именно гражданский мониторинг, который открывает перспективу реализации идеи контролируемой (со стороны гражданского общества) демократии. У граждан появляются возможности тщательного изучения центров власти, наблюдения за процессом управления государственными ресурсами и средствами, принятием политических решений, а также в случае злоупотребления властью – осуждения (критики) правящих групп [Feenstra, Casero-Ripollés, 2014, p. 2462–2463].

Сюда же, как видится, следует добавить область мониторинга, проводимого оппозиционными силами. Критика власти, исходящая от оппозиции в онлайн-пространстве, зачастую выстраивается на основе собранных на официальных властных ресурсах данных. Это, с одной стороны, позволяет оппозиции довольно быстро реагировать на формируемую властью информационную картину. С другой стороны, такая критика выглядит более убедительной для целевой аудитории, поскольку базируется на общедоступных для пользователей материалах.

Следующий важный момент противостояния власти и оппозиции в условиях цифрового пространства связан с территориальным аспектом. Сегодня уже сложно рассматривать политическое пространство в неразрывной связи с территорией: политические акторы легко преодолевают любые территориальные ограничения [Пушкарева, 2012, с. 166]. И здесь возникла довольно острая проблема – изменилось контролируемое властью пространство, которое теперь выходит за пределы территории государства, но при этом затрагивает его функции и интересы.

Несмотря на то что контроль власти над физической территорией остается незыблемым, ситуация с «территорией», образующейся посредством цифровых технологий – цифровым пространством, – не так проста. Очевидно, что эти два вида территории не совпадают. И как подчеркивает Д. Ламбах, в этой связи национальные государства предпринимают попытку ретерриториализации своих территорий в цифровом пространстве. То есть они стремятся установить аналогичный контроль в границах распространения и использования Интернета и цифровых техноло-

гий на территории, которая находится под их юрисдикцией. И для этого, по мнению автора, ими применяется множество различных механизмов: нормативно-правовые ограничения; использование национальных брандмауэров (специальных защитных программ, обеспечивающих проверку и фильтрацию данных, поступающих из глобального Интернета); использование технологий геолокации для блокировок нежелательных материалов и площадок; актуализация в официальной повестке дня таких целей, как информационная безопасность и т.д. [Lambach, 2019, p. 25–27].

И здесь примечательны также выводы представителей правовой науки. Ими выдвигается тезис о том, что цифровые технологии и Интернет сформировали самостоятельное юридически значимое пространство, которое, во-первых, лишено однозначной географической определенности [Федотов, 2016, с. 168], а во-вторых, может быть рассмотрено наряду с территорией земли, водным и воздушным пространством, определяющими суверенные границы государства. Все это приводит к тому, что в праве категория «пространство» постепенно вытесняет категорию «территория», поскольку от этого зависит весьма реальная проблема – юрисдикция и суверенитет государства [Талапина, 2018, с. 14–15].

С одной стороны, понятно, что в цифровом пространстве действительно могут появляться деструктивные внешние силы, которые, стремясь изменить расстановку сил, способны вмешиваться в противостояние власти и оппозиции, преследуя свои цели (чаще всего геополитические). И вопрос наличия всеохватывающего (в пространственном аспекте) контроля имеет принципиальное значение с точки зрения государственной безопасности. Однако, с другой стороны, также понятно, что стремление любой власти дублировать и транслировать свой территориальный контроль в цифровое пространство обусловлено не только вопросом государственной безопасности и международных отношений, но также и функцией регулирования социальных отношений на внутренней арене, желанием контролировать общественные процессы и сохранять установленный политический режим.

Относительно территориального аспекта также заслуживает внимания позиция Г.Л. Эрреры. По его мнению, хотя цифровое пространство (киберпространство) и является экстерриториальным, это не означает, что государственная власть, предполагающая привязку к определенной территории, никак не может контро-

лизовать его. Цифровое пространство не существует само по себе, оно существует в неразрывной связи с человеческими правилами и организовано в соответствии с ними. Вопрос должен быть поставлен иначе: в какой степени политические деятели (т.е. правящие группы) отдельных стран способны ограничить данное пространство и преобразовать его в соответствии со своими интересами? [Herrera, 2007, p. 88–89.]

Несмотря на то что цифровое пространство контролируется не так просто, как физическая территория, и здесь работают другие механизмы, действительно было бы преждевременно утверждать, что в этом пространстве возможности власти существенно сузились. Так, высокая активность граждан в виртуальной реальности и все более интенсивная их «привязка» к официальным ресурсам (прежде всего в сегменте предоставления государственных услуг и процедур электронного участия), напротив, скорее расширили возможности для государственного контроля. Как верно отмечается в некоторых исследованиях, даже одни только цифровые профили пользователей позволяют достаточно подробно проанализировать и описать ключевые характеристики индивидов, включая их потенциальную лояльность / нелояльность тому или иному политическому режиму. В итоге возникают широкие просторы для контроля над конкретными пользователями и обществом в целом со стороны субъектов политики, имеющих специальные инструменты для сбора, обработки и использования большого массива данных [Володенков, 2018, с. 43]. Кроме того, для полномасштабной политической конкуренции и политической активности в Интернете власть зачастую устанавливает довольно серьезные ограничения. С одной стороны, наиболее популярные платформы (прежде всего социальные сети) могут быть запрещены и заблокированы в конкретных государствах, в том числе по политико-идеологическим соображениям (яркий пример – Китай), государства также могут выдвигать условия таким платформам по фильтрации контента определенного содержания, для того чтобы они были разрешены. С другой стороны, сами авторы публикуемого контента (и политически активные граждане, и лидеры общественного мнения, и политики) изначально ограничены условиями использования платформ, на которых они публикуют эти материалы: контент может быть легко удален в случае нарушения правил пользования. Причем не всегда такое последствие наступает в ре-

зультате действительного нарушения официально обозначенных ограничений. Опять же, контент может быть удален и исходя из идеологических рамок, которые негласно выступают в качестве своего рода «фильтра»¹. Наконец, власть посредством имеющихся у нее ресурсов может влиять на алгоритмы ранжирования различных площадок в поисковых системах Интернета [Halavais, 2009].

Таким образом, в цифровом пространстве у власти появляется много возможных преимуществ в противостоянии с оппозицией. Однако в то же время немало возможностей появилось и у оппозиции [Şen, Bölümü-Elazığ, 2012, p. 494]. Известно, что ее роль заключается не только в определенных действиях на политической арене (показывать и доказывать свою пользу обществу посредством конкретных шагов), но также в трансляции несогласия с проводимым властью политическим курсом [Бугаец, 2013, с. 167] и в формировании альтернативных позиций по решению ключевых общественных проблем. В цифровом пространстве это реализуется значительно более свободно и масштабно.

Кроме того, известно, что целью оппозиции не всегда является приход к власти. Она может стремиться лишь влиять на действующую власть – как с целью корректировки политического курса [Дмитриев, Татаркова, 2013, с. 131], так и для получения определенных политических дивидендов. При этом причин нежелания вести полноценную борьбу за власть может быть много: и нехватка ресурсов, и недостаточный уровень поддержки, и нежелание брать на себя ответственность за принятие государственных решений и т.д. Но даже при таких целях власть и оппозиция всегда позиционируют себя в обществе как враждебная двоица, стремящаяся занять место другого, в связи с чем «общение» между этими двумя силами всегда намеренно конфликтно [Тимофеева, 2004, с. 136]. И в данном случае цифровое пространство позволяет оппозиции наращивать давление на власть и претендовать на большее влияние. Так, виртуальные площадки (в том числе и социальные сети) позволили ей значительно упростить организацию и коорди-

¹The shifting landscape of global internet censorship / J. Clark, R. Faris, R. Morrison-Westphal, H. Noman, C. Tilton, J. Zittrain. – Berkman Klein Center for Internet & Society Research Publication, 2017. – Mode of access: https://dash.harvard.edu/bitstream/handle/1/33084425/Internet_Monitor_2017_Filtering_Report_draft_for_SSRN_and_DASH_process.pdf?sequence=2 (accessed: 29.03.2020)

нацию акций протеста. В этом смысле цифровые технологии расширяют организационные ресурсы оппозиции.

Относительно конфликтного характера взаимоотношений и взаимодействий власти и оппозиции важно сделать одну оговорку. Общепринято, что оппозиция условно делится на системную и несистемную. Вторая во время государственных кризисов (прежде всего экономических) нередко расширяет уровень своей общественной поддержки, в результате чего она начинает представлять угрозу не только для власти, но и для системной оппозиции. При таком раскладе первостепенным конкурентом последней может стать именно несистемная оппозиция, а не власть [Lust-Okar, 2004, p. 173] (здесь необходимо также учитывать специфику конкретного политического режима: системная оппозиция может вообще иметь «фасадный» характер, по факту постоянно поддерживать власть и быть частью выстроенного политического режима).

Чаще всего такой специфичный расклад в политической системе свойственен авторитарным режимам. Именно в таких режимах ощутимо проявляется влияние цифровизации на положение пары «власть – оппозиция». Как справедливо подчеркивается в ряде работ, в таких режимах блогеры, онлайн-форумы и другие формы новых СМИ фактически становятся альтернативными источниками новостей и важной информации. Это приводит к уменьшению контроля власти над информационными потоками и повесткой дня [Etling, Faris, Palfrey, 2010].

Современные исследования, демонстрирующие корреляцию между расширением доступа к информации (за счет цифровых технологий) и ростом протестов в авторитарных режимах, указывают на четыре фактора: 1) Интернет снизил издержки и риски для оппозиционных движений, способствуя организации коллективных протестных акций; 2) Интернет может спровоцировать изменение отношения к власти, предоставляя гражданам альтернативную информацию; 3) Интернет может подтолкнуть потенциальных протестующих к действию, снизив информационную неопределенность; 4) Интернет эффективно мобилизует людей посредством видео и фотографий [Ruijgrok, 2017, p. 514].

Сюда же стоит добавить еще один немаловажный фактор. Известно, что существование оппозиции и рост ее поддержки чаще всего обусловлены неудовлетворенным социальным интересом. Как правило, это связано с ситуацией, когда власть либо игнори-

рвала этот интерес, либо ущемляла его [Газимагомедов, Стребков, Рукинов, 2016, с. 127]. Это уже достаточно устоявшееся научное представление. Но в условиях цифровизации данный механизм начинает работать немного иначе: оппозиция (прежде всего несистемная) может в онлайн-пространстве менять сам социальный интерес. В результате смещения акцентов даже при реальной эффективности власти и достижении ею общественно значимых целей все эти результаты могут обесцениваться оппозицией либо преподноситься как не столь значимые. Это, в частности, отчетливо прослеживается в деятельности многих оппозиционно настроенных блогеров, которые имеют иногда миллионы подписчиков и являются лидерами общественного мнения. Успешность власти они могут целенаправленно оценивать и интерпретировать не по достигнутым целям или соотношению целей и затраченных ресурсов, а, например, только по тому, какой ценой дался этот результат. Как правило, в таких случаях говорится о неоправданно высокой цене, сколь бы объективно значимыми для общества ни были достигнутые цели.

Как видно из рассмотренного, цифровое пространство накладывает серьезный отпечаток на взаимоотношения власти и оппозиции, на политическую конкуренцию. И закономерно может встать вопрос: как цифровое пространство влияет на демократию и ее институты?

Цифровое пространство и институты демократии

Использование цифровых технологий в современном политико-административном процессе становится столь обширным явлением, что все активнее говорится о становлении «цифровой демократии» (используются также и другие термины: «виртуальная демократия», «теледемократия», «электронная демократия» и «кибердемократия» [Digital Democracy ..., 2000, p. 1]). Правда, упорно ведутся дискуссии (как в науке, так и на практике) относительно того, что вообще должна подразумевать такая демократия. Для одних специалистов она предполагает использование цифровых инструментов для предоставления информации гражданам и обеспечения прозрачности в политике; для других речь идет о способах, которыми информационно-коммуникационные технологии

могут расширять и углублять участие граждан в политике; для третьих это расширение прав и возможностей граждан в политическом участии вплоть до полноценного, прямого участия в принятии решений по различным вопросам посредством Интернета и цифровых технологий¹.

Такая неопределенность усугубляется наличием другого, близкого и уже устоявшегося в науке понятия «электронное правительство». В самом общем смысле под этой категорией подразумевается компонент «электронной демократии», являющийся собой «технологию интерактивного взаимодействия органов власти с населением и институтами гражданского общества». При таком подходе сама «электронная демократия» интерпретируется как «основанный на применении сетевых компьютерных технологий механизм обеспечения политической коммуникации, способствующий реализации принципов народовластия и позволяющий привести политическое устройство в соответствие с реальными потребностями становящегося информационного общества» [Грачев, 2012, с. 269, 278–279].

Несмотря на имеющиеся разночтения в понимании феномена «цифровой демократии» («электронной демократии»), она не означает полной замены реального политического участия и политического дискурса виртуальным. «Цифровая демократия» – это скорее направление развития демократии, предполагающее преобразование некоторых ее институтов и элементов посредством новых (цифровых) технологий. Необходимо понимать, что цифровизация политической сферы нацелена не на изменение сущности современных демократий, а на совершенствование механизмов их функционирования; онлайн-процедуры призваны скорее дополнить и улучшить «традиционные» институты демократии. Иными словами, речь должна идти не о новой форме демократии, а лишь о новом облике существующих форм, вбирающих в себя новые средства (цифровые технологии).

В этом смысле более вероятными выглядят прогнозы об установлении в результате реализации концепции «цифровой демократии» гибридных форм политического участия и гибридного

¹ *Simon J. et al.* Digital democracy: the tools transforming political engagement. – Nesta, 2017. – P. 17. – Mode of access: https://media.nesta.org.uk/documents/digital_democracy.pdf (accessed: 29.03.2020)

политического дискурса, сочетающих виртуальные и реальные формы демократических процедур [Digital democracy ..., 2010, p. 45–46].

Вместе с тем сложно отрицать потенциал цифрового пространства как нового специфичного поля для взаимодействия власти и общества. Так, политики могут улучшать свой имидж в глазах потенциальных избирателей, совершенствовать государственные механизмы [Electronic Democracy ..., 2004, p. 195], значительно более масштабно и эффективно транслировать свою позицию через виртуальные платформы и инструменты, получать более объективную и оперативную обратную связь с целью возможной корректировки проводимого политического курса и т.д. А у граждан, в свою очередь, появляется больше возможностей для участия в политике и политическом дискурсе: они могут быть более информированными о проводимой политике, быть «услышанными» посредством более доступных механизмов обратной связи и, конечно, получать государственные услуги в более удобной форме. Перспектива реального влияния граждан на политический процесс, в частности посредством технологий дистанционного электронного голосования, официальной подачи электронных петиций, возможности обсуждений законопроектов, – довольно привлекательные характеристики «цифровой демократии», и многие из них в ряде стран весьма эффективно используются (наиболее яркие примеры – Эстония и Швейцария). Однако здесь, как отмечалось выше, открывается немало рисков, связанных в первую очередь с манипулированием общественным мнением, целенаправленным искажением результатов политического участия или внешним вмешательством со стороны других государств.

На практике сегодня в наибольшей степени реализуется тот сегмент «цифровой демократии», который касается предоставления государственных услуг. Это вполне объяснимо, поскольку в этой плоскости не стоит такой острый вопрос, как конкуренция между властью и оппозицией, который имеет место в случае с электронным участием и голосованием. И, вероятно, можно согласиться с мнением, согласно которому на современном этапе чаще используются и реализуются те преимущества цифровой демократии, которые открываются именно для политиков, а не для граждан [Grant, Moon, Busby Grant, 2010, p. 579–580]. Поэтому с высокой долей вероятности уже сейчас можно сказать, что в любом варианте реализации «цифровой демократии» ключевая роль со-

хранится за основными политическими институтами. «Цифровизация» современных демократий не предполагает переход от представительной модели власти к прямой. Такая цифровизация, сколь бы масштабной она ни была, может привести лишь к вкраплению определенных элементов прямой демократии для повышения уровня участия граждан в политике, но не к полной замене представительной модели власти.

Список литературы

- Бауэр В.П., Сильвестров С.Н., Барышников П.Ю.* Блокчейн как основа формирования дополненной реальности в цифровой экономике // Информационное общество. – 2017. – № 3. – С. 30–40.
- Бугаец А.А.* СМИ в контексте взаимоотношений власти и оппозиции: катализатор бунта или организатор диалога? // Вестник Кузбасского государственного технического университета. – 2013. – № 6 (100). – С. 166–169.
- Волов А.Г.* Философский анализ понятия «киберпространство» // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. – 2011. – № 2. – С. 49–54.
- Володенков С.В.* Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. – М.: Издательство Московского университета: Проспект, 2015. – 272 с.
- Володенков С.В.* Digital-технологии в системе традиционных институтов власти: политический потенциал и современные вызовы // Вестник Московского государственного областного университета. – 2018. – № 2. – С. 39–48. – DOI: <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2018-2-893>
- Газимагомедов Г.Г., Стребков А.И., Рукинов В.А.* Власть, современная российская оппозиция и общественная безопасность // Конфликтология. – 2016. – № 1. – С. 125–142.
- Грачев М.Н.* «Электронная демократия» и «электронное правительство»: как это работает // Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика / под ред. Л.Н. Тимофеевой. – М.: РАПН; РОССПЭН, 2012. – С. 268–285.
- Дмитриев А.В., Татаркова Д.Ю.* Трудный путь к компромиссу: неформальная коммуникация власти и оппозиции // Согласие в обществе как условие развития России. – М.: ИС РАН, 2013. – Вып. 3: Политическое согласие: Стратегии и реальность / отв. ред. О.М. Михайленок. – С. 129–140.
- Добринская Д.Е.* Киберпространство: территория современной жизни // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. – 2018. – Т. 24, № 1. – С. 52–70.
- Исаков А.И., Олейник А.В.* Оппозиция и власть // Обозреватель – Observer. – 2009. – № 11 (238). – С. 6–16.

- Косоруков А.А.* Технологии дополненной реальности в сфере государственного управления // Социодинамика. – 2020. – № 1. – С. 1–11. – DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2020.1.31949>
- Курочкин А.В., Антонов Г.К.* Особенности информационно-коммуникативного пространства политики в современной России // Общество: политика, экономика, право. – 2017. – № 2. – С. 9–13. – DOI: <https://doi.org/10.24158/per.2017.2.1>
- Лазар М.Г.* Цифровизация общества, ее последствия и контроль над населением // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. – 2018. – № 4 (34). – С. 170–181.
- Малашенко А.В. Нисневич Ю.А., Рябов А.В.* Становление постиндустриальной цивилизации: от цифровизации до варварства: монография. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 212 с.
- Михайленок О.М.* Информационно-коммуникативные риски сетевизации политических отношений // Вестник Института социологии. – 2019. – Т. 10, № 3. – С. 12–21. – DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2019.30.3.584>
- Михайленок О.М., Малышева Г.А.* Политические отношения в контексте цифровых сетей // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2019. – № 3 (60). – С. 79–87.
- Петрова Н.П., Бондарева Г.А.* Цифровизация и цифровые технологии в образовании // Мир науки, культуры, образования. – 2019. – № 5 (78). – С. 353–355. – DOI: <http://doi.org/10.24411/1991-5497-2019-00138>
- Плотников В.А.* Цифровизация производства: теоретическая сущность и перспективы развития в российской экономике // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2018. – № 4 (112). – С. 16–24.
- Подорова-Аникина О.Н.* Коммуникативное пространство политики в условиях глобализации // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Серия Теория и практика управления. – 2016. – № 17 (22). – С. 13–16.
- Пушкарева Г.В.* Политическое пространство: проблемы теоретической концептуализации // Полис. Политические исследования. – 2012. – № 2. – С. 166–176.
- Талалина Э.В.* Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. – 2018. – № 2 (254). – С. 5–17. – DOI: https://doi.org/10.12737/art_2018_2_1
- Тимофеева Л.Н.* Политическая коммуникация и ее генеральная пара: власть и оппозиция // Теория и практика общественно-научной информации. – 2004. – № 19. – С. 134–145.
- Тимофеева Л.Н.* Альтернативизм в науке и политике // Современная политическая наука: Методология: Научное издание / отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин. – М.: Изд-во Аспект Пресс, 2019. – С. 525–550.
- Трофименко А.В., Елисеева С.Н., Коробейникова И.С.* Цифровая экономика: проблемы повышения эффективности обеспечения прав предпринимателей в киберпространстве // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2017. – № 4 (68). – С. 73–76.

- Федотов М.А.* Конституционные ответы на вызовы киберпространства // *Lex russica* (Русский закон). – 2016. – № 3 (112). – С. 164–182. – DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2016.112.3.164-182>
- Халин В.Г., Чернова Г.В.* Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // *Управленческое консультирование*. – 2018. – № 10 (118). – С. 46–63. – DOI: <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2018-10-46-63>
- Хуторной С.Н.* Киберпространство и реальный мир // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия Философские науки*. – 2011. – № 2. – С. 67–71.
- Чугров С.В.* Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? // *Полис. Политические исследования*. – 2017. – № 2. – С. 42–59. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.02.04>
- Шабров О.Ф.* Глобальные факторы политического управления: новые возможности и новые риски // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. – 2019. – Т. 15, № 2. – С. 236–244. – DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2019.205>
- Шарков Ф.И.* Конвергенция элементов политического медиапространства // *Полис. Политические исследования*. – 2017. – № 3. – С. 135–143. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.03.09>
- Aurigi A.* Making the digital city: the early shaping of urban internet space. – London: Routledge, 2005. – 236 p. – DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315249964>
- Campante F., Durante R., Sobbrio F.* Politics 2.0: the multifaceted effect of broadband internet on political participation // *Journal of the European Economic Association*. – 2018. – Vol. 16, N 4. – P. 1094–1136. – DOI: <https://doi.org/10.1093/jeaa/jvx044>
- Castells M.* Networks of outrage and hope: social movements in the internet age. – Malden, Mass.: Polity Press, 2012. – 300 p.
- Digital democracy: issues of theory and practice / K. Hacker, J. van Dijk (eds). – London: Sage, 2000. – 228 p.
- Digital democracy: reimagining pathways to political participation / H. Gil de Zúñiga, A. Veenstra, E. Vraga, D. Shah // *Journal of information technology & politics*. – 2010. – Vol. 7, N 1. – P. 36–51. – DOI: <https://doi.org/10.1080/19331680903316742>
- Electronic democracy: mobilisation, organisation and participation via new ICTs / R. Gibson, A. Römmele, S. Ward (eds). – L.: Routledge, 2004. – 222 p.
- Etlings B., Faris R., Palfrey J.* Political change in the digital age: the fragility and promise of online organizing // *SAIS review of international affairs*. – 2010. – Vol. 30, N 2. – P. 37–49. – DOI: <https://doi.org/10.1353/sais.2010.0016>
- Feenstra R.A., Casero-Ripollés A.* Democracy in the digital communication environment: a typology proposal of political monitoring processes // *International Journal of Communication*. – 2014 – Vol. 8 – P. 2448–2468.
- Grant W.J., Moon B., Busby Grant J.* Digital dialogue? Australian politicians' use of the social network tool Twitter // *Australian journal of political science*. – 2010. – Vol. 45, N 4. – P. 579–604. – DOI: <https://doi.org/10.1080/10361146.2010.517176>
- Gunkel D.J.* Hacking cyberspace // *JAC*. – 2000. – Vol. 20, N 4. – P. 797–823.
- Halavais A.* Search engine society. – Cambridge: Polity Press, 2009. – 242 p.

- Herrera G.L.* Cyberspace and sovereignty: thoughts on physical space and digital space // Power and security in the information age. Investigating the role of the state in cyberspace / Cavelti M.D. et al. – Aldershot: Ashgate, 2007. – P. 67–93.
- Khan S., Khan Sh., Aftab M.* Digitization and its impact on economy // International journal of digital library services. – 2015. – Vol. 5, N 2. – P. 138–149.
- Lambach D.* The territorialization of cyberspace // International Studies Review. – 2019. – P. 1–34. – DOI: <https://doi.org/10.1093/isr/viz022>
- Loader B.D., Mercea D.* Networking democracy? Social media innovations and participatory politics // Information, communication & society. – 2011. – Vol. 14, N 6. – P. 757–769. – DOI: <https://doi.org/10.1080/1369118X.2011.592648>
- Lust-Okar E.* Divided they rule: the management and manipulation of political opposition // Comparative politics. – 2004. – Vol. 36, N 2. – P. 159–179. – DOI: <https://doi.org/10.2307/4150141>
- Marshall J.* Cyber-space, or cyber-topos: the creation of online space // Social Analysis: The International Journal of Social and Cultural Practice. – 2001. – Vol. 45, N 1. – P. 81–102.
- Ploug T.* Ethics in cyberspace: how cyberspace may influence interpersonal interaction. – Dordrecht: Springer Publication, 2009. – 223 p. – DOI: <https://doi.org/10.1007/978-90-481-2370-4>
- Political communication in a high-choice media environment: a challenge for democracy? / van Aelst P. et al. // Annals of the International Communication Association. – 2017. – Vol. 41, N 1. – P. 3–27. – DOI: <https://doi.org/10.1080/23808985.2017.1288551>
- Ruijgrok K.* From the web to the streets: internet and protests under authoritarian regimes // Democratization. – 2017. – Vol. 24, N 3. – P. 498–520. – DOI: <https://doi.org/10.1080/13510347.2016.1223630>
- Sampedro V., Avidad M.M.* The digital public sphere: an alternative and counter-hegemonic space? The case of Spain // International journal of communication. – 2018. – Vol. 12. – P. 23–44.
- Şen A.F., Bölümü-Elazığ İ.F.G.* The social media as a public sphere: the rise of social opposition / International conference on communication, media, technology and design. Firat Üniversitesi İletişim Fakültesi-Gazetecilik Bölümü-Elazığ. – 2012. – P. 490–494.
- Shekhar S., Feiner S.K., Aref W.G.* Spatial computing // Commun. ACM. – 2016. – Vol. 59, N 1. – P. 72–81.

Kh.A. Gadzhiev*

**Digital space as a field for political confrontation
of authorities and opposition**

Abstract. Digitalization, rapidly changing the image of the basic social spheres, including the political sphere, transforms the competition conditions for the two basic

* **Gadzhiev Khanlar**, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia), e-mail: gadzhiev_hanlar@mail.ru

spheres of the inner political arena – authority and opposition. The level of development of digital technologies and their penetration into modern social processes is so high that it allows speaking about emergence of digital space, which peculiarities are taken into account in building communication and competition in this couple. Both the opposition and authority have seen a lot of new opportunities in reaching their goals and achieving their aims, but at the same time a lot of problems and vulnerabilities, which they can't not consider. In this regard the digital space brings with itself ambiguous and sometimes even controversial prospective for them.

In the article the attempt to state the main problems and discussions connected to understanding the digital space as a new field of political confrontation of authority and opposition is made. For that purpose the central notions of the issue investigated such as “digitalization” and “digital space” are analysed; the most important conditions of confrontation of authority and opposition in the digital space are considered; the main outline of the changes in the interaction of authority and society is drawn; the evaluation of the influence of digital space on the “traditional” democratic institutes is given.

Keywords: digitalization; digital space; cyberspace; internet; authorities; opposition; digital democracy.

For citation: Gadzhiev Kh.A. Digital space as a field for political confrontation of authorities and opposition. *Political science (RU)*. 2020, N 3, P. 147–171. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.03.07>

References

- Aurigi A. *Making the Digital City: The early shaping of urban internet space*. London: Routledge, 2005, 236 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315249964>
- Bauer V.P., Sil'vestrov S.N., Baryshnikov P. Yu. The blockchain as a basis of augmented reality in the digital economy. *Information Society*. 2017, N 3, P. 30–40. (In Russ.)
- Bugaets A.A. Mass media in a context of relationship of the power and opposition: catalyst of revolt or organizer of dialogue? *Bulletin of the Kuzbass State Technical University*. 2013, N 6 (100), P. 166–169. (In Russ.)
- Campante F., Durante R., Sobbrío F. Politics 2.0: the multifaceted effect of broadband internet on political participation. *Journal of the European Economic Association*. 2018, Vol. 16, N 4, P. 1094–1136. DOI: <https://doi.org/10.1093/jeea/jvx044>
- Castells M. *Networks of outrage and hope: social movements in the internet age*. Malden, Mass.: Polity Press, 2012, 300 p.
- Chugrov S.V. Post-truth: transformation of political reality or self-destruction of liberal democracy? *Polis. Political Studies*. 2017, N 2, P. 42–59. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.02.04> (In Russ.)
- Digital democracy: issues of theory and practice*. Hacker K., van Dijk J. (eds). London: Sage, 2000, 228 p.
- Dmitriev A.V., Tatarikova D. Iu. The difficult path to compromise: informal communication between the authorities and the opposition. In: *Consent in society as a condi-*

- tion for the development of Russia. Vol. 3. Political consent: Strategies and Reality. Ed. by O.M. Mikhailenok. Moscow: ISRAS, 2013. P. 129–140. (In Russ.)
- Dobrinskaya D.E. Cyberspace: territory of contemporary life. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. 2018, Vol. 24, N 1, P. 52–70. (In Russ.)
- Etlings B., Faris R., Palfrey J. Political change in the digital age: the fragility and promise of online organizing. *SAIS Review of International Affairs*. 2010, Vol. 30, N 2, P. 37–49. DOI: <https://doi.org/10.1353/sais.2010.0016>
- Fedotov M.A. Constitutional answers for the challenges of cyberspace. «*Lex russica*» (*The Russian Law*). 2016, N 3 (112), P. 164–182. DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2016.112.3.164-182> (In Russ.)
- Feenstra R.A., Casero-Ripollés A. Democracy in the digital communication environment: a typology proposal of political monitoring processes. *International Journal of Communication*. 2014, Vol. 8, P. 2448–2468.
- Gazimagomedov G.G., Strebkov A.I., Rukinov V.A. Power, contemporary Russian opposition and public security. *Konfliktologia*. 2016, N 1, P. 125–142. (In Russ.)
- Gibson R., Römmle A., Ward S. (eds). *Electronic democracy: mobilisation, organisation and participation via new ICTs*. London: Routledge, 2004, 222 p.
- Grachev M.N. «E-democracy» and «E-government»: How it works. In: *Political communication, theory, methodology and practice*. L.N. Timofeeva (ed). M.: RAPN; ROSSPEN, 2012, P. 268–285. (In Russ.)
- Grant W.J., Moon B., Busby Grant J. digital dialogue? Australian politicians' use of the social network tool Twitter. *Australian Journal of Political Science*. 2010, Vol. 45, N 4, P. 579–604. DOI: <https://doi.org/10.1080/10361146.2010.517176>
- Gunkel D.J. Hacking Cyberspace. *JAC*. 2000, Vol. 20, N 4, P. 797–823.
- Halavais A. *Search engine society*. Cambridge: Polity Press, 2009, 242 p.
- Herrera G.L. Cyberspace and sovereignty: thoughts on physical space and digital space. In: Cavelti M.D. et al.: *Power and Security in the Information Age. Investigating the Role of the State in Cyberspace*. Aldershot: Ashgate, 2007, P. 67–93.
- Isakov A.I., Oleynik A.V. The opposition and government. «*Обозреватель – Observer*». 2009, N 11 (238), P. 6–16. (In Russ.)
- Khalin V.G., Chernova G.V. Digitalization and its Impact on the Russian economy and society: advantages, challenges, threats and risks. *Administrative Consulting*. 2018, N 10 (118), P. 46–63. DOI: <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2018-10-46-63> (In Russ.)
- Khan S., Khan Sh., Aftab M. Digitization and its impact on economy. *International Journal of Digital Library Services*. 2015, Vol. 5, N 2, P. 138–149.
- Khutornoy S.N. Cyberspace and virtual reality. *Bulletin of the MSRU. Series: Philosophy*. 2011, N 2, P. 67–71. (In Russ.)
- Kosorukov A.A. The technologies of augmented reality in the area of public administration. *Sociodynamics*. 2020, N 1, P. 1–11. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2020.1.31949> (In Russ.)
- Kurochkin A.V., Antonov G.K. Features of political information and communication space in modern Russia. *Society: Politics, Economics, Law*. 2017, N 2, P. 9–13. DOI: <https://doi.org/10.24158/pep.2017.2.1> (In Russ.)

- Lambach D. The territorialization of cyberspace. *International Studies Review*. 2019, P. 1–34. DOI: <https://doi.org/10.1093/isr/viz022>
- Lazar M.G. Digitization of society, its consequences and population control. *The problems of scientist and scientific groups activity*. 2018, N 4 (34), P. 170–181. (In Russ.)
- Loader B.D., Mercea D. Networking democracy? Social media innovations and participatory politics. *Information, Communication & Society*. 2011, Vol. 14, N 6, P. 757–769. DOI: <https://doi.org/10.1080/1369118X.2011.592648>
- Lust-Okar E. Divided they rule: the management and manipulation of political opposition. *Comparative Politics*. 2004, Vol. 36, N 2, P. 159–179. DOI: <https://doi.org/10.2307/4150141>
- Malashenko A.V., Nisnevich Yu.A., Ryabov A.V. *Formation of post-industrial civilization: from digitalization to barbarism*: Monograph. Moscow: Yurait Publishing House, 2019, 212 p. (In Russ.)
- Marshall J. Cyber-space, or cyber-topos: the creation of online space. *Social Analysis: The International Journal of Social and Cultural Practice*. 2001, Vol. 45, N 1, P. 81–102.
- Mikhailenok O.M., Malysheva G.A. Political relations in the digital networks context. *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*. 2019, N 3 (60), P. 79–87. (In Russ.)
- Mikhaylyonok O.M. The informational-communicative risks of actively transitioning political relations to the web. *Vestnik Instituta Sotziologii*. 2019, Vol. 30, N 3, P. 12–21. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2019.30.3.584> (In Russ.)
- Petrova N.P., Bondareva G.A. Digitalization and digital technologies in education. *The World of Science, Culture and Education*. 2019, N 5 (78), P. 353–355. DOI: <http://doi.org/10.24411/1991-5497-2019-00138> (In Russ.)
- Plotnikov V.A. Digitalization of production: the theoretical essence and development prospects in the Russian economy. *Izvestiâ Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomičeskogo universiteta*. 2018, N 4 (112), P. 16–24. (In Russ.)
- Ploug T. *Ethics in cyberspace: how cyberspace may influence interpersonal interaction*. Dordrecht: Springer Publication, 2009, 223 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-90-481-2370-4>
- Podorova-Anikina O.N. Political communication in the context of globalization. *Vestnik Komit respublikanskoi akademii gosudarstvennoi sluzhby i upravleniia. Seriia: Teoriia i praktika upravleniia*. 2016, N 17 (22), P. 13–16. (In Russ.)
- Pushkaryova G.V. Political space: problems of theoretical conceptualization. *Polis. Political Studies*. 2012, N 2, P. 166–176. (In Russ.)
- Ruijgrok K. From the web to the streets: internet and protests under authoritarian regimes. *Democratization*. 2017, Vol. 24, N 3, P. 498–520. <https://doi.org/10.1080/13510347.2016.1223630>
- Sampedro V., Avidad M.M. The digital public sphere: an alternative and counter-hegemonic space? The case of Spain. *International Journal of Communication*. 2018, Vol. 12, P. 23–44.
- Şen A.F., Bölümü-Elazığ İ.F.G. The social media as a public sphere: the rise of social opposition. In: *International Conference on Communication, Media, Technology and*

- Design*. Firat Üniversitesi İletişim Fakültesi–Gazetecilik Bölümü–Elazığ, 2012, P. 490–494.
- Shabrov O.F. Global political management factors: new opportunities and new risks. *Political Expertise: POLITEX*. 2019, Vol. 15, N 2, P. 236–244. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2019.205> (In Russ.)
- Sharkov F.I. The Convergence of the elements of political media. *Polis. Political Studies*. 2017, N 3, P. 135–143. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.03.09> (In Russ.)
- Shekhar S., Feiner S.K., Aref W.G. Spatial computing. *Commun. ACM*. 2016, Vol. 59, N 1, P. 72–81.
- Talapina E.V. Law and digitalization: new challenges and prospects. *Journal of Russian Law*. 2018, N 2 (254), P. 5–17. DOI: https://doi.org/10.12737/art_2018_2_1 (In Russ.)
- Timofeeva L.N. Alternativeism in science and politics. In: *Modern political science: methodology: scientific edition*. O.V. Gaman-Golutvina, A.I. Nikitin (eds). Moscow: Aspect Press, 2019. P. 525–550. (In Russ.)
- Timofeeva L.N. Political communication and its general couple: authority and opposition. *Teoriya i praktika obshchestvenno-nauchnoi informatsii*. 2004, N 19, P. 134–145. (In Russ.)
- Trofimenko A.V., Yeliseeva S.N., Korobeynikova I.S. Digital economy: problems of improving the efficiency of business owner's rights protection in cyberspace. *Vestnik of Saratov State Socio-Economic University*. 2017, N 4 (68), P. 73–76. (In Russ.)
- Van Aelst P. et al. Political communication in a high-choice media environment: a challenge for democracy? *Annals of the International Communication Association*. 2017, Vol. 41, N 1, P. 3–27. DOI: <https://doi.org/10.1080/23808985.2017.1288551>
- Volodenkov S.V. Digital-technologies in the system of traditional institutions of power: political potential and contemporary challenges. *Bulletin of Moscow State Regional University*. 2018, N 2, P. 39–48. DOI: <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2018-2-893> (In Russ.)
- Volodenkov S.V. *Internet communications in the global space of modern political management*. Moscow: Moscow University Press; Prospekt, 2015, 272 p. (In Russ.)
- Volov A.G. Philosophical analysis of the concept of «cyberspace». *Philosophical Problems of Information Technology and Cyberspace*. 2011, N 2, P. 49–54. (In Russ.)
- Gil de Zúñiga H. et al. Digital democracy: reimagining pathways to political participation. *Journal of Information Technology & Politics*. 2010, Vol. 7, N 1, P. 36–51. DOI: <https://doi.org/10.1080/19331680903316742>